

Не маргинальная поэзия

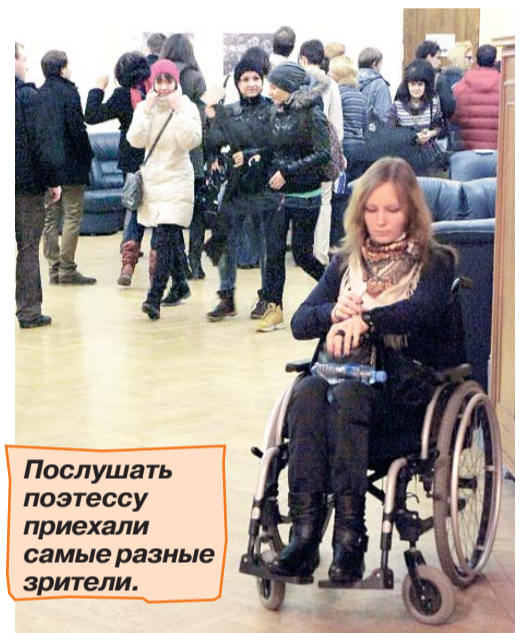
О ВЕРЕ ПОЛОЗКОВОЙ «W» УЖЕ РАССКАЗЫВАЛ НЕ РАЗ, НО НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ ДЛЯ СПРАВКИ: ЭТО ПОЭТ И БЛОГЕР-ВУНДЕРКИНД. ВЕРА СТАЛА ОДНИМ ИЗ САМЫХ ЮНЫХ «ТЫСЯЧНИКОВ» В ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ (ИЗВЕСТНА ПОД НИКОМ VERO4KA). ТАКЖЕ ОНА ЛАУРЕАТ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПРЕМИЙ, СРЕДИ КОТОРЫХ ПРЕМИЯ ИМЕНИ РИММЫ КАЗАКОВОЙ И ПРЕМИЯ «НЕФОРМАТ» В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Собственно, пару лет назад поверили бы вы, если бы услышали о поэтессе, которая собирает тысячи слушателей? И они раскупают все билеты. Приносят букеты цветов. Мечтают получить автограф. И в гардеробе не хватает мест для их курток. И в зале не хватает кресел.

Так вот, в воскресенье Вера Полозкова действительно собрала тысячи в маргинальном Доме кино, который теоретически, может быть, и рассчитан на тысячи, но фактически редко принимает больше пятидесяти посетителей. И это важный шаг на пути превращения российской поэзии из маргинального жанра в современный.

После шумного рок-тура по России с новым альбомом стихов «Знак Неравенства» (в Петербурге, например, у Веры было шикарное выступление в клубе «Космонавт») поэтесса вернулась в город на Неве и решила устроить «домашнюю» лирическую презентацию DVD. На экране — фрагменты ее выступлений. В промежутках на сцене она читает свои стихи под аккомпанемент пианиста Артема Комиссарова и гитару Ольги Зубковой. Про этих музыкантов вообще можно сделать отдельные материалы, и «W» их обязательно сделает.

Вот что примечательно. Стоило Вере стать известной, как десятки никому не известных Вериных коллег по цеху с пеной у рта принялись доказывать, что ее творчество — «масскульт». Но вот в холле Дома кино перед ее выступлением любителей массовой культуры не найти, даже если очень постараться. Зато там легко можно встретить книгоиздателей, художников, молодых поэтов, бизнесменов, дизайнеров. На диванах расположились влюбленные парочки. Ожидают открытия зала инвалиды-колясочники с сопровождающими. Пришедшие знакомятся между собой, заговаривая в основном о современной поэзии. Большинству посетителей 25 — 30 лет, но есть и целые семейства от мала до велика. Тем же, кто хочет посмотреть на настоящий масскульт, —

Послушать поэтессу приехали самые разные зрители.

прямая дорога на концерты МакСим. А Вера — просто она не маргинал. И одежда не в драный свитер. И укладку сделала. И читает не монотонно — с выражением. И в ее стихах — настоящие эмоции. И выступают с ней профессиональные музыканты. И диски у нее не самопальные, а качественные. И если бы наш масскульт был таким, то и слава богу бы.

— У человека в жизни бывает максимум минут пятнадцать славы — такой настоящей, и то это страшно, после этого нужно просто бежать, — непринужденно травит байку Вера со сцены перед тем, как прочитать стихотворение о своем любимом певце Yoav. — У меня были 15 секунд летом в Сочи. Туда приезжал с концертом Yoav. Выступил, такой красивый, загорелый, прекрасный. Уехал. И вот я лежу на пляже, и друзья показывают мне журнал. Там интервью с ним. И его в этом интервью спрашивают: «А вы знаете, что русская поэтесса Вера Полозкова посвятила вам стихотворение?» И он отвечает: «Да, мне уже несколько человек об этом сказали, но стихотворение не переведено, поэтому я никак не могу его почитать!» И тут надо мной, как в мультиках, начинают летать звезды, а земля под ногами превращается в движущуюся платформу.

Текст и фото Ирины ПАНКРАТОВОЙ

Смех (To Yoav)

Каждый из нас — это частный случай музыки и помех
Так что слушай, садись и слушай божий ритмичный смех
Ты лишь герц его, сот, ячейка, то, на что звук разбит
Он таинственный голос чей-то, мерный упрямый бит
Он внутри у тебя стучится, тут, под воротничком
Тут, под горлом, из-под ключицы, если лежать ничком
Стоит капельку подучиться — станешь проводником
Будешь кабель его, антенна, сеть, радиоволна
Чтоб земля была ночью, денно смехом его полна

Как тебя пронизет и прополочет, чтоб забыл себя ощущать,
Чтоб стал гладким, словно каштан, на ощупь, чтобы некуда упрощать
Чтобы пуст был, словно ночная площадь, некого винить и порабощать
Был как старый балкон — усыпан пеплом, листьями и лузгой
Шел каким-то шипеньем сиплым, был пустынный песок, изгой
А проснешься любимым сыном, чистый, целый, нагой, другой
Весь в холодном сиянье синем, распускающемся дугой
Сядешь в поезд, поедешь в сити, кошелек на дне рюкзака
Обнаружишь, что ты носитель незнакомого языка
Поздороваешься — в гортани, словно ржавчина, хрипотца
Эта ямка у кромки рта мне скажет больше всех черт лица
Здравствуй, брат мой по общей тайне, да, я вижу в тебе отца

Здравствуй, брат мой, кто независим от гордыни — тот белый маг
Мы не буквы господних писем, мы держатели для бумаг
Мы не оптика, а оправа, мы сургуч под его печать
Старость — думать, что выбил право наставлять или поучать
Мы динамики, а не звуки, пусть тебя не пугает смерть
Если выучиться разлуке, то нетрудно ее суметь
Будь умерен в питье и пище, не стремись осчастливить всех
Мы трансляторы: чем мы чище, тем слышнее господень смех

Мы оттенок его, подробность, блик на красном и золотом
Будем чистыми — он по гроб нас не оставит. Да и потом
Нет забавней его народца, что зовет его по часам
Избирает в своем болотце, ждет инструкции к чудесам
Ходит в Мекку, святит колодцы, ставит певчих по голосам

Слушай, слушай, как он смеется
Над собою смеется сам

На презентации Полозковой в Доме кино был аншлаг.